

Данута Поппэ

ДЕСЯТИННЫЕ ЛЮДИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЛЬШЕ: ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАССА ФЕОДАЛЬНО-ЗАВИСИМОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Целью статьи является проследить судьбы одной из категорий несвободного населения — десятников. Их судьбы рассматриваются как часть сложного процесса образования феодально-зависимого класса крестьянства. Скучный, как в количественном отношении так и по своему содержанию материал источников (зеро-лтно это было причиной тому, что в литературе доселе никто не исследовал этого вопроса) не позволил дать полный ответ на многочисленные вопросы. Удалось восстановить древний институт лишь только в весьма общих чертах. Десятинные люди, выступавшие в источниках под латинским термином *decimi* и славянским названием „*dessitli*” (десятильники), по своему происхождению были несвободным населением, доказательством чего служат указания источников на полный произвол господина по отношению к десятнику и его потомству. Свидетельствует об этом также факт, находящий свое подтверждение, кроме польского материала, в чешских аналогиях, что десятники выводились из пленных. Встречающееся в источниках определение десятников как *servi* или *familia* (челядь), обозначающее уже в этот период весьма широко понимаемые отношения зависимости, а не только холопство, могут лишь косвенно указывать на несвободное происхождение десятичных людей. Эта категория населения являлась особенностью княжеской вотчины. Здесь она втягивалась в основанные на сотско-десятичной системе организационные рамки, отсюда также ее название. Основной единицей являлся десяток людей, выше находилась сотня, которой руководил княжеский управляющий — сотник. Отрывочность материала не позволила восстановить во всей полноте круг полномочий сотника, однако можно сделать вывод, что его обязанности касались административных, хозяйственных и судебных вопросов. Скучность и лаконичность источников не позволили также исследовать более подробно основы функционирования этого института, можно только установить, что он являлся одной из форм организации труда в княжеских владениях. Сотско-десятичная организация была связана с городами-замками, как распорядительными центрами княжеской вотчины находящейся в данном городском округе. Неясным остается также происхождение организации; источники ведут непосредственно к XI столетию, косвенные показания, как связь с древнейшими пястовскими городами и чешскими аналогиями, указывают уже на X столетие. В XII и XIII веках институт этот находился в остаточном состоянии, тем не менее был еще жив и функционировал, о чем свидетельствует продолжавшийся приток в ряды этой разновидности населения. Территориальное размещение десятичной организации указывает, что она охватывала все раннефеодальное польское государство. Ее связь с древнейшими пястовскими городами, живучесть еще в XII, XIII столетиях, свидетельствуют

о распространенности и значении этого института, что в свою очередь бросает свет на проблему применения холопского труда в крупном раннефеодальном землевладении. На применение труда десятника в хозяйстве княжеской вотчины источники указывают весьма ясно, но и в этом случае не позволяют делать более подробных выводов. Труд десятника использовывался на княжеском дворе — при обработке барской запашки, в рядах дворовой челяди и вотчинных ремесленников. Очень часто князь сажал десятников на землю, колонизируя ими новоосвоенные земли, либо же выделял им наделы из состава вотчинных земель. Получение десятником земельного надела обозначало перемену в его хозяйственном положении, и в свою очередь изменения в его социальном положении. Труд десятника владеющего собственным хозяйством на полученном земельном участке превращался в феодальную ренту. На десятников этих налагались также государственные повинности. Посажённый на землю десятник, владеющий собственным хозяйством, обязанный платить ренту феодалу и нести повинности в пользу государства, — имеет все черты зависимого крестьянина. Из холопа он превращается в крепостного крестьянина — непосредственно производителя материальных благ. Социальная и экономическая эволюция должна была найти отражение в правовом положении десятника. Процесс этой эволюции, не развивавшейся впрочем равномерно и одновременно, является фрагментом общих социальных сдвигов, происходивших в раннефеодальной Польше. В результате он привел к исчезновению категории десятинных людей, о которых во второй половине XIII века уже не слышно. Этот процесс был усугублен и ускорен изменениями в феодальной экономике, выразившимися в переходе крупной феодальной собственности к оброчной системе.

История десятинных людей иллюстрирует судьбы института рабства в условиях развивающихся и утверждающих свое господство феодальных производственных отношений. Социальный подъем раба и социальная и хозяйственная деградация крестьянина — свободного члена общины, это две стороны процесса образования однородного класса крепостного крестьянства.

Хенрик Ловмянски

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ОБЩИЙ СИНТЕЗ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ

Настоящие примечания вызваны статьей проф. Суходольского обсуждающей вопросы культуры в оценке I-го тома Истории Польши изданной Институтом Истории ПАН, состоят они из 4-х вопросов в соответствии с вопросами упомянутой статьи.

1. Точка зрения как будто в Истории Польши возникала принципиальная разница в понимании культуры между первой и второй частью I-го тома не находила подтверждения при полном учитывании содержания этой книги, которая не менее исчерпывающе и пластически обсудила перемены в социальном сознании для периода 1454—1764 гг. как и прежних периодов. По одному впрочем вопросу книгу встретил справедливый упрек, ибо во второй своей части она не принесла специальных абзацев относительно развития польской народности, хотя именно в период 1454 года национальное сознание шляхты подверглось серьезной эволюции в двух направлениях: исключения с понятия нации крестьян и включения в это

понятие полонизирующей литовской и украинско-белорусской шляхты. Трудно тоже согласиться с взглядом, что главы о культуре должны составлять как будто автономное целое в общем историческом синтезе и заключать в себе целое проблематики в пределах истории культуры. Препятствием механической систематизации вопросов в синтезе является необычное скомплицирование исторической действительности и осложнение разнородных явлений в ходе исторического процесса; отсюда например реформация XVI века рассматривается совместно с политической историей, в то время как гуманизм учитывается в главе о культуре.

2. Кажется неправильным понимать культуру как явление „социального сознания”, является она скорее объективизированной деятельностью общества, преобразовывающей природу. За существенное можно считать деление явлений культуры на три категории: 1) объекты культуры предназначенные прежде всего для удовлетворения человеческих нужд (пропитание, одежда, жилище, произведения науки, литературы искусства и т.п.); 2) объекты предназначенные прежде всего для производства других предметов культуры (орудия и средства производства); 3) формы или средства общественного устройства (общественные и государственные учреждения). Две последние категории обсуждаются синтетически совместно с социально-экономическими соотношениями, только первая категория должна учитываться в главах о культуре. Не кажется правильным недооценивание потребительской стороны в материальной культуре, ибо она дает возможность узнать уровень жизни и характер общей культуры данного общества.

3. На вопрос, должен ли синтез обсуждать отдельные отрасли культуры, или должен представлять влияние культуры на общество, взаимные связи между отдельными областями культуры и т.п., можно ответить, что следует учесть равно первую как и вторую группу вопросов, ибо в противном случае создается недостаток в синтетическом изложении.

4. История Польши сочетает в изложении тенденции синтеза с учётом обильного фактографического материала; нельзя сказать, чтобы в этом отношении она отошла от предпосылок выдвинутых когда-то И. Лелевелём. Она является тоже историей польского народа. В синтезе истории нации следует отличить структурную и функциональную стороны вопроса. Первая занимается развитием нации в объективном смысле (нация как этническое целое) и в субъективном смысле (национальное сознание); вторая посвящает внимание деятельности нации и достигнутым, благодаря этой деятельности, результатам. В исторических исследованиях функциональная сторона берет верх над структурной, ибо в функционировании находит отражение структура, то есть характер нации. История нации, если она хочет быть полной, не ампутированной и однобокой, должна содержать не только обобщения, но и массу конкретных фактов, в свете которых только обнаруживается деятельность нации и процесс ее формирования.

Чеслав Мадайчик

ПО ПОВОДУ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ

Имеющая до сих пор место дискуссия относительно состояния исследований по новейшей истории Польши вызвала ряд рефлексий и полемических замечаний. Слишком слабо подчеркивает она степень подрыва доверия читателей к изданиям

в области истории Польши и недостаточно констатирует, что восстановление этого доверия зависит от перехода к методам убедительной аргументации, действительно исходящий из источников. Уровень их не поднимется до сих пор пока места работы будут рассматриваться как второстепенные, пока ответственность за нарушение научных принципов будет проблематической. Дискуссии требуют тоже вопрос методологических предпосылок, так как до сих пор как же часто за методологически правильные признавались работы, которые отвечали актуальным политическим тенденциям и требованиям текущей политики. Ведь предпосылки эти вели к „презентизму”, который мы замечали и упрекали в нем западно-европейскую историографию, а замолчивали в нашей собственной.

Монографические исследования по новейшей истории, которые велись последние годы а также издания источников принесли ряд утверждений и определений, ценность которых бесспорна. Были однако — именно они — особенно сильно обременены некоторыми искажениями.

Тормозом в исследовании новейшей истории были также факты, что часто основной оценки исследовательских выводов являлись работы некоторых публицистов и что допускались далеко идущие ограничения со стороны цензуры или пресловутые редакционные обработки изданий. Рассматривание вспомогательных наук как излишних было одной из причин, что исследования новейшей истории теряли научный характер.

Ради дальнейшего развития новейшей истории Польши некоторые понятия и принципы требуют обсуждения путем дискуссии, как например определение критериев прогрессивности в период после Октябрьской революции, или применимости метода экземплификации. В области истории рабочего движения общим является постулат, чтобы исследования эти не производились изолированно от исследований над историей нации.

Желательным кажется тоже предпринятие определенных изменений в области исследований по новейшей истории, которые дали бы возможность ускорить эти исследования. Следует расширить сотрудничество исследователей периода 1918—1949 гг., основательно продумать организацию „мастерской” историка этого периода и предпринять шаги в направлении приведения в порядок архивной базы.

Шимон Шехтер

РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА ПОЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В МАЕ-ИЮЛЕ 1936 ГОДА

1936 год приносит большое усиление забастовочной борьбы крестьян в центральной Галиции. Число крестьянских выступлений почти в два раза больше чем общее количество выступлений в 1922—35 годах. Главными очагами борьбы являлись уезды: ржеворский, ярославский, рудецкий. Забастовочное движение охватило равно деревенскую бедноту как и крестьян-батраков. Отсутствие штрейкбрехеров в этом районе доказывает, что движение нашло поддержку всех бедняков. Борьба началась на почве условий труда и высоты заработной платы.

Самое большое влияние на этой территории имела крестьянская партия (Стронництво Людове, СЛ). Декабрьский конгресс СЛ высказался за ведение решительной борьбы за землю помещиков для крестьян без выкупа а также

против фашизации страны. СЛ не отгородилась однако от теории аграризма и некоторые правые деятели противопоставили теперешней точке зрения партии. В СЛ, которая теперь быстро разрастается, вступает деревенская беднота. Похожую эволюцию проходят также и „Вици”.

Крестьянский праздник 1-го июня преобразовался в массовую демонстрацию. Антиправительственной демонстрацией окончились торжества в Новосельцах, которые явились уже переходом масс к революционной деятельности. Самого большого развития достигло забастовочное движение в Ланьцуте и Кржешовицах, где первый раз применено пролетарскую форму борьбы — „польскую стачку”. Во время забастовки в Кржешовицах пришло к острым столкновениям с полицией. Начались карательные экспедиции и аресты. В организациях СЛ, Вици и забастовочных комитетах назревала идея всеобщей забастовки крестьян, за которую началась внутренняя борьба в СЛ. Состоявшийся 4. VII. съезд руководителей сельских организаций СЛ ярославского и пржеворского уездов с участием Ратая характеризует нерешительность в момент, когда имеют место аресты и карательные экспедиции. В июле однако развернулось забастовочное движение, которое принудило помещиков к значительным экономическим уступкам. Борьба 1936 года была революционной школой для широких масс крестьянства.

Danuta Poppe

LES D E C I M I EN POLOGNE DU HAUT MOYEN-AGE ET LA FORMATION
DU SERVAGE

L'article a pour but de suivre l'histoire d'une catégorie du servage — celle dont les membres étaient appelés les *decimi*, en tant que fragment de la formation de la classe paysanne. Les sources, rares et succinctes, ne permettent pas de répondre à de nombreuses questions. Il n'a été possible de reconstituer que l'esquisse générale de cette institution fort ancienne. La population qui apparaît dans les sources sous le terme latin de *decimi* et le nom slave de *dessitli*, par ses origines était serbe, comme le prouve le fait que le seigneur pouvait en disposer librement; de même une source tchèque confirme que les *decimi* descendaient de prisonniers de guerre. Les dénominations de *servi* ou de *familiari* rencontrées parfois et qui entendaient une subordination plus largement comprise que l'esclavage, ne peuvent indiquer qu'indirectement les origines de la population décimale. Cette population était caractéristique pour le domaine princier; elle y était soumise à une administration basée sur le système centésimal et décimal, dont elle tirait son nom. L'unité de base était formée d'une dizaine d'hommes, l'unité supérieure de cent hommes, l'administration était assurée par un employé du seigneur — le centenier. Les prérogatives de ce dernier n'ont pu être pleinement reconstituées, mais on peut déduire que ses fonctions étaient administratives, économiques et juridiques. L'organisation centésimale et décimale demeurait reliée aux *castra*, centres de disposition du domaine concentré sur le territoire adjacent. Les débuts de cette organisation ne sont pas très clairs, les sources directes remontent au XIe s.; dès les XIe, XIIe et XIIIe s. cette institution tirait à sa fin, néanmoins elle fonctionnait encore. La répartition de cette organisation sur tout le territoire de l'Etat, sa liaison avec les plus anciens *castra* ducaux, sa vitalité constatée encore au XIIe et XIIIe s., prouvent son importance et éclairent la question de l'emploi de la population serbe dans les grands domaines. Le *decimus* était employé à la culture de la réserve seigneuriale, au service personnel, ainsi qu'à l'artisanat. Le prince établissait les *decimi* pour coloniser les friches, ou bien leur assignait des morceaux du domaine. L'établissement signifiait pour le *decimus* un changement de sa situation économique et entraînait un changement fondamental de sa situation sociale. Il payait une rente au seigneur et des redevances à l'Etat. Du rôle d'homme non libre, il avance à celui de serf-paysan. L'évolution sociale et économique devait pourtant trouver son reflet dans sa situation juridique. Cette évolution à développement irrégulier, est un fragment des transformations sociales survenues dans la Pologne du haut Moyen-Age. Ce processus conduisit à la disparition des *decimi*, dont nous n'entendons plus parler dans la seconde moitié du XIIIe siècle. Le processus fut accéléré par les changements de l'économie féodale qui se sont effectués après le passage des grandes propriétés féodales à la censive. L'avancement social de l'esclave et la dégradation sociale et économique du paysan — membre libre de la communauté — voici deux aspects de la classe paysanne serbe.

Henryk Łowmiański

L'HISTOIRE DE LA CULTURE ET L'HISTOIRE DE POLOGNE

Le présent article fait suite à celui du professeur Suchodolski sur le problème de la culture tel qu'il est présenté dans le tome I de *l'Histoire de Pologne* (éd. de l'Institut d'Histoire de l'Académie Polonaise des Sciences); il se divise en quatre points correspondant aux points de l'article du professeur Suchodolski.

1) L'opinion que dans *l'Histoire de Pologne* il y aurait une différence notable entre la première et la seconde partie du tome I dans la conception de la culture, n'est pas confirmée par l'étude du volume qui présente de façon non moins détaillée les transformations de la conscience sociale dans la période 1454—1764 qu'au cours des périodes précédentes. Les reproches sont justes sur un point, notamment dans sa deuxième partie le livre ne fait pas place à l'accroissement de la notion de nationalité polonaise, bien que ce soit justement à partir de 1454 que cette notion a subi dans la noblesse une évolution importante dans deux directions: exclusion des paysans de la conception de la nation, inclusion de la noblesse lithuanienne et ruthène polonisante. Il est difficile de partager l'opinion que les chapitres sur la culture doivent former une espèce de tout autonome et englober la totalité des problèmes de l'histoire de la culture. Le classement mécanique des problèmes est interdit par leur grande complexité et par l'enchaînement des différents phénomènes; de là notamment, la Réforme (XVe siècle) a été traitée ensemble avec l'histoire politique, alors que l'humanisme trouve place dans le chapitre sur la culture.

2) La conception de la culture en phénomène de „conscience sociale” ne paraît pas juste, elle est plutôt une activité objective de la société qui transforme la nature. On peut plutôt accepter le partage en trois catégories des phénomènes culturels: 1) objets destinés à la satisfaction des besoins humains (nourriture, vêtements, habitation, oeuvres d'art, de littérature, scientifiques, etc.); 2) objets servant à la production d'autres biens culturels (outils et moyens de production); 3) formes ou moyens d'organisation sociale (institutions sociales et nationales). Les deux dernières catégories sont examinées ensemble avec les rapports sociaux et économiques, la première catégorie seule devrait trouver place dans les chapitres sur la culture. Il ne paraît pas juste de négliger l'aspect consommation dans la culture matérielle, car il permet de connaître le niveau de vie et le caractère général de la culture de la société donnée.

3) A la question si l'histoire générale doit prendre en considération les différents secteurs de la culture ou bien doit présenter l'influence de la culture sur la société, la liaison entre les différents secteurs culturels, etc., on peut répondre par l'affirmative. Dans le cas contraire, la représentation synthétique contiendra une lacune.

4) *L'Histoire de Pologne* unit les tendances de synthèse basée sur un matériel abondant; on peut dire que, sur ce point, elle ne s'est pas éloignée des principes énoncés naguère par J. Lelewel. C'est l'histoire de la nation polonaise. Dans les histoires des nations, il convient de distinguer le côté fonctionnel des problèmes. Le premier s'occupe du développement de la nation dans le sens objectif (le peuple en tant qu'ensemble ethnique) et dans le sens subjectif (conscience nationale); le second se consacre à l'activité de la nation et aux résultats obtenus. Dans les recherches historiques, le côté fonctionnel prime sur le côté structural, car dans le fonctionnement se reflète la structure ou le caractère du peuple. L'histoire d'une nation, pour être complète et non unilatérale et rétrécie artificiellement, doit contenir non seulement des généralisations, mais de nombreux faits concrets à la lumière desquels se révèle l'activité du peuple et son processus de formation.

Czesław Madajczyk

RECHERCHES SUR L'HISTOIRE CONTEMPORAINE DE POLOGNE

La discussion en cours concernant l'état des recherches sur la plus récente histoire de Pologne, est l'objet d'une série de polémiques: elle ne souligne pas suffisamment la perte de confiance des lecteurs dans les publications sur l'histoire de Pologne, et ne fait pas assez ressortir que la reconquête de cette confiance est conditionnée par le passage aux méthodes réellement basées sur les sources. Le niveau des publications ne se relèvera pas tant que les méthodes de travail seront traitées pour ainsi dire en marge et que la responsabilité consécutive à l'enfreinte des principes scientifiques restera problématique. De même, il convient d'examiner la question des principes méthodologiques; souvent étaient considérés comme méthodologiquement en règle des travaux répondant aux tendances politiques et aux exigences actuelles de la politique. Et pourtant ces principes conduisent au présentisme, reproché à l'historiographie ouest-européenne et passé sous silence dans la nôtre.

Les recherches monographiques sur la plus récente histoire poursuivies ces dernières années et les publications basées sur les sources, ont apporté une série de constatations et confirmations de valeur indiscutable. Elles étaient toutefois, justement elles, surchargées de certaines déviations.

Les recherches sur l'histoire la plus récente étaient freinées par le fait que les oeuvres de certains publicistes servaient assez souvent de critère à l'appréciation des résultats obtenus dans ce domaine, que de prérogatives de contrôle étaient accordées aux censeurs et aux commentaires et articles de rédaction des périodiques. La conception de traiter comme inutiles les sciences auxiliaires, était une des raisons pour lesquelles l'étude de la plus récente histoire perdait son caractère scientifique.

Pour approfondir l'étude de la plus récente histoire de Pologne, il convient de discuter certaines conceptions et principes, tels que la définition des critères de progrès dans la période suivant la Révolution d'Octobre, ou l'application de la méthode d'exemples. Pour l'histoire du mouvement ouvrier, le postulat général est que les recherches ne soient pas séparées de celles sur l'histoire de la nation.

Il semble également désirable de procéder à certains remaniements dans l'organisation des recherches pour permettre de les accélérer. Il convient de resserrer la collaboration des chercheurs sur l'époque 1918—1944 et de prendre les mesures nécessaires au classement des archives.

Szymon Szechter

LUTTES PAYSANNES DANS LA PETITE POLOGNE EN MAI-JUILLET 1936

L'année 1936 vit s'accroître les luttes et grèves des paysans de la Galicie centrale. Le nombre de manifestations paysannes de cette année fut presque double de celui des années 1922-35. Dans la voïvodie de Lwów, pendant trois mois seulement, le nombre de manifestations paysannes représente la moitié du total de toutes celles qui ont eu lieu sur le territoire de Pologne. Les principaux foyers de lutte étaient les districts de Przeworsk, Jarosław, Łańcut, Ruda. Les grèves anglo-baïens le prolétariat des campagnes et les paysans pauvres; le manque de briseurs de grève prouve que le mouvement jouissait de l'appui de toute la paysannerie.

pauvre. Les luttes avaient un fond économique et postulaient l'amélioration des conditions de travail et des salaires.

Le Parti Paysan (Stronnictwo Ludowe) exerçait une grande influence. Son congrès de décembre 1935 s'était prononcé pour la distribution gratuite des propriétés foncières aux paysans, et contre la fascisation du pays. Toutefois le S.L ne s'était pas déclaré contraire à la théorie de l'agrarisme et certains de ses militants de droite étaient opposés à l'attitude actuelle du parti. La paysannerie pauvre adhéra en masse au S.L. qui se développa rapidement. La même évolution est subie par la jeunesse paysanne groupée dans „Wici“.

La fête paysanne du 1 juin se transforme en démonstrations de masse. Une telle démonstration contre le régime, qui a notamment lieu à Nowosielce, est déjà une transition à l'activité révolutionnaire des masses. Les grèves atteignent la plus grande ampleur à Łańcut et à Krzeszowice où, pour la première fois, est appliquée la „grève polonaise“. De violentes rencontres avec la police eurent lieu, suivies d'édits punitives et d'arrestations. Dans les organisations du Partii Pay-san, de „Wici“ et dans les comités de grève, mûrissait l'idée d'une grève paysanne générale, qu'il s'agissait de faire adopter au sein du parti. Le congrès du 4 juillet des dirigeants des organisations rurales du parti des districts de Jarosław et de Przeworsk, avec la participation de Maciej Rataj, démontre l'indécision qui règne, alors que les arrestations et les expéditions punitives continuent. Mais en janvier les grèves reprirent, contraignant les propriétaires fonciers à des concessions notables. Les luttes de 1936 ont été une école révolutionnaire pour de larges masses de paysans.